

АНДРЕЙ ЛАЗАРЕВ

**МИЛЫЙ
ИНДРИК**

Андрей Лазарев
Милый Индрик

«Издательские решения»

Лазарев А.

Милый Индрик / А. Лазарев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856310-2

«Милый Индрик» — нелепые хроники древности, состоящие из воспоминаний некоего спившегося в своей келье отшельника, пещерных сказок, вставок и выписок из разных книг, а также рассуждение чудного зверя по имени Индрик. «Додик в поисках света» — ироническое духовное путешествие. Нелепый человек Додик Маневич ищет смысл и неясный свет, доходит до Индии, повсюду натывается на Учителей и духовных искателей, живет в монастырях и ашрамах, вертит носом и пытается просчитать свою дурацкую судьбу.

ISBN 978-5-44-856310-2

© Лазарев А.
© Издательские решения

Содержание

Милый Индрик	6
Дальше всего: Я живой	6
Говорит милый Индрик	7
Первая пещерная сказка	8
Ближе: Оглядывание	9
Говорит милый Индрик	10
Ближе: Открытие второго крыла	11
Вторая пещерная сказка	12
Ближе: Молитва	13
Дальше: Брат Андрей	15
Говорит милый Индрик: Водопровод	16
Дальше: Наша деревня	17
Говорит милый Индрик: Подслушивание	19
Говорит милый Индрик	20
Ближе	21
О пьянстве	22
Ближе: Двойник	23
Третья пещерная сказка	24
Ближе: Свирель	25
Один сарацин	26
Говорит милый Индрик	27
О блюде	28
Говорит милый Индрик: Стена	29
Четвертая пещерная сказка	30
Ближе: Музыкант	32
Дальше: Колодец	33
Пятая пещерная сказка	34
Ближе: Мое разuverие	35
Шестая пещерная сказка	36
Говорит милый Индрик	37
Ближе: Брат Андрей	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Милый Индрик

Андрей Лазарев

© Андрей Лазарев, 2017

ISBN 978-5-4485-6310-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Моим любимым родителям посвящается

Милый Индрик

Нелепые хроники древности, состоящие из воспоминаний некоего спившегося в своей келье отшельника, пещерных сказок, вставок и выписок из разных книг, а также рассуждений чудного зверя по имени Индрик.

Дальше всего: Я живой

Не помню, кто это рассказывал. Может, старый кузнец, который помер задолго до того, как я повзрослел, а, может, один из тех бродяг, что охочи до посиделок в натопленном доме и ради них вечно плетут невесть что. Помню только мшистую бороду, и как рассказчик бросал тоскливо-жадные взгляды на печь, где мать ворочала горшками – что не пристало богатому, сытому кузнецу, так что наверняка это был зимний паломник-шатун.

Рассказывал он про древних отшельников на нашей земле. Будто бы попал один гуляка ночью в лес у дальних гор и набрел на полухижину-полупещерку. Дверь была приоткрыта, парень и заглянул. И увидел дедка-коротышку, который сидел на лавочке, что-то пел и светился. Сам светился, от кожи шло такое неяркое, тихое, ласковое сияние. Парень чего-то перепугался, обмер на месте, да так и заснул у порога.

А на утро дедок его стал трясти за плечо. Он глядит – старик как старик, в каких-то лохмотьях, не светлинки. С того гуляки робость уже сошла, только холодно было. «А как ты, – спрашивает, – батюшка, ночью сиял?» Дедок только смеется, поесть зазывает. Но парень разозлился, плюнул и ушел восвояси.

Тот, кто рассказывал, все напирал на то, что вот мол, живет святой, ночью его никто не видит, днем не замечает. И что толку с его сияния? Один сидит и светится, безо всякого для людей проку. Зачем?

Мне-то сразу стало понятно, зачем. Не услышь я того рассказа, никогда бы не очутился здесь, в своей пещере, да еще такой, что не выйти не войти. Только окошко вверху, в две пяди шириной, чтобы пищу просовывать.

Говорит милый Индрик

Когда уложили последний камень, все почтительно замерли. Из пещеры донеслось твое бормотанье.

Подпасок Козява, по своей вечной глупости, вздумал проверить, как поживает затворник, и проворно вскарабкался к отверстию для еды. По каким таким архитектурным соображениям его сделали наверху, неизвестно. Козява даже просунул в отверстие руку – видно, для вящего ощущения чуда. Тут же разлапистый огромный кузнец стащил дурика вниз за порты и взгрел по заднице, приговаривая: «Сы-рая клад-ка, сы-рая!»

Бывший при сем настоятель монастыря, из которого ты удалился в затвор, подпаску ничего не сказал, а только пару раз наставительно стукнул посохом по стене.

«Молитесь», – наконец, определил кто-то из толпы.

Все разом закивали. Приходской священник, видимо, решив поразить всех своей ревностью в вере, бухнулся на колени.

Места у вас очень глухие. Отшельников давно не водилось. Как еще отметить начало духовного подвига?

Чуть-чуть потоптавшись, поселяне разошлись, в голос прикидывая, какую награду в лучшем мире они заслужили тем, что столь богоугодно тебя затворили. Ты же, едва помолившись, стал осматривать камни напротив стены: оттуда тянуло ветерком.

Первая пещерная сказка

Некогда бальский епископ вздумал обратить в свою веру довольно далеких язычников. Захватив с собой одного преданного слугу и двести не слишком преданных, он тронулся в путь. Пересек с десятков рек (некоторые на плотках, а другие так, бродом), дважды прошел через горы и, наконец, объявился в северном лесу, поросшем мхом и серыми, кичливыми в своей прямизне деревцами.

Язычники гоняли с место на место мохнатый скот, строили земляные дома, верили в молочное море и поклонялись самому серому дереву – целая роща тех, кто подозревался в близости к идеалу, была увешана цветастыми тряпками и разным ненужным скарбом.

Слова епископа переводил беззубый урод, найденный по дороге. Язычники согласились, что и самое серое дерево кто-то да создал и, следовательно, власти у такого творца будет побольше. Они стали готовиться к переходу в христианское состояние.

Потом им что-то не угодило. То ли ухватки двести одного епископского слуги, то ли странное предложение самого святителя отведавать плоти и крови нового бога. Христову веру сочли зловредной и людоедской, а крестителей порешили побить.

Едва завидев толпу из угрюмцев с дубинами, двести неверных слуг бросились развешивать в священной роще свои манатки, а епископ, ведомый последним слугой, устремился к некой пещере, уже давно обустроенной предусмотрительным малым. Пещера была расположена так, что стоило завалить чуть-чуть вход, и он делался незаметным. Строптивые язычники пронесли мимо. Особо мстительными они не были, и на дальнейших поисках людоедов не настаивали.

Епископ со слугой зажгли пару свечек, тихонько перекусили в своей пещере, горюя о спасшихся душах, и слуга двинулся отваливать камни обратно.

Тогда прозвучал голос.

«И что вы тут делаете?» – спросил голос.

Слуга обмер на месте.

«Ищите что-нибудь? Источник? Сокровище? Все что-то ищут. Может, меня?»

Епископ нашел в себе силы: достал из-за ворота крестик и завел гимн дрожащим голосом.

«А, вы попеть сюда забрались», – понимающе произнес голос и более не звучал.

Епископу посчастливилось благополучно добраться до обитаемых христианским народом мест. Все это он изложил в письме к папскому нунцию, как раз направлявшемуся в Рим. Судя по всему, послание не дошло до Святого Отца.

Ближе: Оглядывание

Усталый странствующий человек оглядывает постоялый двор – вроде тихо? – после долгих блужданий по диким местам; так и я. А другой пробегает взглядом корабль перед плаванием в дальние страны, прикидывает, как-то будет в пути, весь кипит внутри, веселится; и так я тоже. Тороплюсь, не могу подождать. Зажег лыковый фитилек у светильника. Кто-то руку просунул в дыру, но я туда не смотрю, нечего мне оттуда теперь дожидать, здесь не терпится осмотреться. Такое мое смирение было...

Хотел узнать. Не хотел ничего пропустить как, откуда, из чего, из какого такого соединения темноты, молчания, постничества, одиночества, страха, надежды, телесных томлений рождается внутренний свет? Отчего берется чистота в обычном человеческом существе, и оно становится святым, помеченным Богом?

Внешний мир, тот меня ничуть не влек. С детства я тосковал, глядя, как суетно, мелко и в полудреме проходит жизнь у тех, кто меня окружал. Думалось, что любая человеческая работа – нечто тварное, пропитательное, такое бесцельное, бесконечное, по имени «ворошение праха». Только за необходимость я ее принимал; без всякой радости; когда, скажем, отец пел у гончарного круга, как мне хотелось подбежать, крикнуть ему прямо в ухо: «Очнитесь, опомнитесь, батюшка! откуда веселье? отчего вы поете? здесь нужда, пот, тягость и стыд...» Ведь отец был стар, и почти что богат, мог сидеть со мной рядом, где-нибудь у обрыва, и тянуться мыслями к скрытому. Он вращал круг ногами, как будто шел, и казалось, все так и провертится, вся жизнь пройдет, а в конце выйдет просто горшок.

Я видел ничтожность, нечистоту, злобу, муки и кровь – как я мог доверять человеческому миру? И лишь я услышал, что можно узреть что-то другое, во мне уже не осталось и песчинки тяги к обычным занятиям.

Наше село хоть и стоит на самой окраине, потому что за ним уже горы, но день-деньской голосит кто-то бесом – бежим волков побивать! соседей мутузить! а на ярмарку! или свадьбу! а то соберемся и завоем толпой под визжание скрипки, про то и про се! да и в пляс...

А как сладко, как заманительно писано святыми отцами о Божественной благодати, о силе чудотворения! Но больше всего: поучения Старца. Еще ребенком я подходил к монастырской стене, и затаивался в кустах; думал, может, он выйдет случайно? И стоило чуть-чуть подождать, как он появлялся. Вроде бы по хозяйственной надобности – монастырь у нас маленький, и Старец был и наставником всех послушников и келарем. Только потом я узнал, что он выходил ради меня.

Я, пока к монашеской жизни не привык, все трепетал от боязни, а ну как что-нибудь меня отвлечет, уведет в сторону от моих поисков. Герцог постоянно собирал ополчение и двигал его на соседнего герцога, настоятель то и дело затевал новые сооружения, кто-то пекся о приобщении прихожан к жизни монастыря, даже послушники мнили, что они несут некий свет своей пастве – из сельских мальчишек, с которыми они тайно удили рыбу или таскали незрелую репу. Я только видел, как неуклонно они движутся к смерти, печалился и боялся сам опоздать.

Говорит милый Индрик

Конечно, я приглядывал за тобой. Кратко скажем, твоя история разворачивалась так: сперва построили стену, и ты долго помещался в большой камере; дорасщивал бороду. Потом судьба дала заворот – ты пропер по пещерному лазу влево, почти до упора, а оттуда по загогулине еще раз влево, сделав в точности два полукружья. Образовалась фигура ровно в форме женской груди на птичий взгляд, или как две тесно сомкнутые коленки. Омега! Конечная буква. Знал бы ты это, обязательно призадумался: как так омега? Почему же – омега?

В хвосте второго пещерного завитка обнаружилась камера меньше; ты бегал по галереям раз по двадцать на дню. О наступлении дня ты узнавал по лучику света в большей камере или по шаркотне ног бывших односельчан, слышимой почти каждый утро во втором закутке.

Ближе: Открытие второго крыла

Я вскоре заметил, что противоположная стенка пещеры, которую я как-то всегда считал сплошной – да и какой же еще, если за ней должна была начинаться скала – имеет щели, из которых с явственной силой дует на пламя светильника. Поискав немного, я обнаружил, что это вообще не стена, а нагромождение глыб, словно там, в глубине, есть еще одна пещера, где до меня уже скрывался затворник, а камни – остатки другой, древней кладки.

От этой мысли мне стало страшно, и я даже отпрянул, и прижался к другой стене, за которой по-прежнему каждый день ожидали чудес, и сопели, и чесались, и даже шепотом переговаривались мои милые, такие родные, такие домашние односельчане... Это придало мне сил. Я взялся за один выпирающий камень, под которым щель была больше всех, чуть надавил, потянул за край на себя – и он отвалился. За ним действительно была пустота – еще одна келья! Я был прав.

Снаружи раздался вздох изумления – они услышали, как упал на земляной пол с глухим стуком отваленный мною камень. Тогда на меня напало странное раздражение – хоть я и знал, насколько это чувство грешно и мелко, и нечисто. Это было в первые дни моего заточения. Я промолился весь вечер и ночь, до куроглашения и далекого колокольного звона: в монастыре сзывали на утренний капитул.

Потом я вновь принялся за работу. Больше не один камень не поддавался моим усилиям. Но и сквозь этот узкий провал можно было видеть, что там есть большое пустое пространство.

Вторая пещерная сказка

Один сарацин, черная морда, взятый герцогом в плен при Толедо – а потом чистильщиком на конюшню, проезжал в составе свиты по нашей деревне, опрокинул чарку вина у кузнеца, посетовал на суровость Аллаха в этом вопросе, и рассказал такую историю: был мудрец Ифлатун, и придумал пещерного человека. Ифлатун был чернокнижник, и человека сделал совсем без души, слепил наспех из глины для баловства. А как набаловался, отвел человека в пещеру, и привязал к столбу спиной к выходу.

Ифлатун вскоре умер, а человек был бессмертный, он все стоял. Снаружи шла жизнь, птицы чирикали, деревья росли, солнце светило и дождь проливался, а стоящий глядел только на тени, что ходили по стенке, и даже забыл, что есть что-то другое, кроме стены и теней. И ни есть, ни пить ему не было нужно. Так бы и простоял он до Второго Пришествия, да вдруг заскучал.

К тому времени и веревки подгнили. Человек-горемыка повертелся, потянул веревки, да и освободился. Но, отойдя от столба, он побежал к той самой стене, где были тени: про выход-то он забыл! Послюнил палец, потер эту стену – э, а тени стали поярче! Он стал тереть посильнее, нашел камешек, стал шлифовать.

Прошла еще сотня лет: получилось зеркало, потом рядом – другое... То, что было снаружи пещеры, стало менее видимым. Зато, превратив всю стену в зеркало, и отступив к родному столбу, он увидел себя! Он принялся за пол пещеры, потом как-то натер потолок.

Со всех сторон – только он! С горящими от восторга глазами, высунув язык, расставив ноги, бедняга с усердием отделявал зеркала. И больше он ничего не увидел, и так остался в этой пещере, смотреть на себя, потому что мудрец Ифлатун давно умер, и некому было развернуть пещерного человека лицом к выходу.

РАЙМУНД ЛУЛЛИЙ: Сидел как-то Любящий в одиночестве под сенью красивого дерева. Проходили мимо того места люди и спросили Любящего, почему он один. И ответил Любящий, что остался один, как увидел их и услышал, а раньше был он вместе со своим Господином.

Ближе: Молитва

Мне кажется, что я молился с самого младенчества. Не языком и губами, а чем-то внутри, и не я сам, а что-то во мне. Я уверен, что и в детстве было так же, как и сейчас: сильная, горячая рука постоянно сжимала там, где кишки, и вдруг выдавливала и гнала вверх, к гортани полуслова, полуволны чистого жара. Потоки слез бежали за ними вдогонку. И почти без прерыва меня преследовала мысль о Творце, вернее, об изнуряющей меня жажды познать Его, познать иной, нетварный мир, мир чистого духа и света. Малым ребенком, едва научившись ходить, как рассказывал мне отец, я порой начинал вертеться на месте, подпрыгивать и стонать – это было от жара в кишках, и только когда я вошел в монастырь, жар сделался не столь мучительным, а я поспокойней.

Из всех молитв мне нравились самые короткие, но из всех служб – самые длинные. Но волны жара, слова, выбегали наружу, а света все не было. Как в плохое кресало, кто-то бил мне в нутро, высекая искру за искрой, но пламя все никак не занималось, и пук соломы, тело мое, все не вспыхивало, хотя становился горячим. Братья подсмеивались надо мной, а Старец качал головой, но не корил, ничего не указывал, а молчал. Помню, однажды ночью, когда мы молились вдвоем по разрешению настоятеля, и меня опять прошибли слезы, и тело мое так раскачалось, что плечом я сильно толкнул Старца, он схватился от боли за щеку, а потом вскочил, вздернул на ноги и меня – никто бы мне не поверил, что в нем еще есть столько сил! – и стал тормошить, молча, впившись мне в глаза взглядом, а потом заставил прочесть всего отца Иоанна из Дамаска, и год я читал его по строке, но ничего так и не понял.

Затворившись в пещере, многие месяцы я просто сидел на жесткой подстилке из сложенной мешковины, молился и в голос и молча. Жара стало поменьше. Меня больше не кололо, и слез почти не было, но после молитвы я чувствовал себя совсем как щенок, попавший на незнакомый двор. Порой даже я сожалел, что решил затвориться: ибо и здесь после молитвы я не мог успокоиться. Моя риза протерлась о камни, и в первый год мне принесли еще одну, и куколь, и новые сандалии, но потом я написал, что нет нужды. От долгих сидений кровь застаивалась в ногах, и потом я уже не ходил по пещере, а ползал, и поэтому вместо ризы носил только покров на свой срам. Холод тревожил меня только вначале, и раны мои, зарастая, покрывались коростой.

Мне не нужны были монастырские правила: утренняя и вечерняя сливались в одно. И обитель, и деревня – обе достаточно далеко, верст не меньше пяти. Понемногу мой дух смирился, и после молитвы я оставался тих и покоен. Если бы не каждодневные посетители, меня нечему было тревожить. Но настоятель не зря говорил, что покоя сейчас нигде не найти: людей расплодилось так много. Иногда я прерывал молитву и думал о дальних землях, что за горами – из соседней обители, до которой я едва не дошел как-то раз, туда слали миссии. Однако, был бы там покой от людей? Людей, которые, что ни час, а тревожатся по новому поводу, и чей лоб к старости весь исписан заботами.

Нет, во всех людях есть этот жар. Не только во мне, а во всех Господь высекает ту самую искру. Не от людей я сокрылся, не от них я бежал. Все люди, и те, кто работают, и те, кто воюют, все мне милы. Я сам от рода людей, и те, кто молятся, мои братья и самые ближние. Часто в смятении я обращался к ним не словом, а помыслом, и лик Старца являлся во снах и он помогал мне советом.

Враг закрывает искру со всех сторон, не давая ей разгореться. Его руками она запрятана будто в горшок, обложена слоем плоти и чувств, и только глаза человека выдают ее присутствие в существе. Лишь неустанной молитвой можно раздуть ее до слабого огонька. Молитвенный дух тянет ее наверх, заставляет ее трепетать и метаться и стремиться наружу, но в конце

концов поселяет навеки где-то в правильном месте и надмевает, надмевает, надмевает, пока пламя не пробудится.

Господь Всемогущий, Творитель и Вседержитель, Отец мой Небесный, Слава Тебе! Твоею милостью, твоею всеблагостью, к концу восьмого месяца затвора, пламя вспыхнуло и во мне. Дальше, учил меня Старец: отступишь. Дальше нет твоей воли.

АРТЕМИДОР: Одному человеку приснилось, будто он превратился в реку Ксанф, что около Трои. Этот человек почти десять лет страдал кровохарканием, однако не умер. Что и понятно: ведь реки бессмертны.

Дальше: Брат Андрей

Когда Старец ушел от нас, грешных, я уже год как принял обеты. А брат Андрей принял раньше и был помощником ризничего. Поэтому его и послали по монастырям нашего братства со «смертным свитком». Он путешествовал несколько месяцев, а когда возвратился, то свиток оказался в целых пять футов: все настоятели и даже четыре епископа писали на нем слова благодарности и утешения.

К тому времени я взял на себя и обет молчания тоже. Брат же любил говорить, и особенно – рассказывать. Старец учил нас не только читать и писать, но и говорить своими руками. Настоятель этого не одобрял, он говорил, что руками говорить слишком долго, и некоторые любители поболтать воруют у молитвы по два-три часа на седмице. Он щелкал костяшками на абаке, и все нам доказывал в числах. Уж лучше, толковал он, сказать с десятков словечек, если так уж приперло, да и за дело!

И брат предпочитал рассказывать мне словесно. И даже смеялся, когда я, в удивлении, переспрашивал. Помню, как меня поразило, что в один монастырь принимали и женщин.

«Женщин?» – спрашивал я, проводя от брови до брови.

«Какая форель?!» – фыркал он.

За время пути он изрядно забыл наш язык. Я спрашивал про парижскую школу.

«При чем же здесь суп? – он ухмылялся. – Новый келарь так увлекся сыроварением, что вы голодаете?»

А через три месяца, по епископскому благословению, он как раз и уехал в ту школу.

РАЙМОНД ЛУЛЛИЙ: Сказал Любящий Господину: Ты, наполняющий солнце светом, наполни сердце мое любовью. – Ответил Господин: Не будь ты исполнен любви, не были бы глаза твои полны слез и не пришел бы ты сюда узреть того, кто любит тебя.

Говорит милый Индрик: Водопрвод

Как быстро с тебя сдуло все прежние признаки духоборца: лицо обмякло, спина, добродушно крикнув, разогнулась, а потом снова согнулась, но уже в очень удобную, не строго-страдальную луку. Ты стал невидим! И начал шустренько действовать; вот лаз проделал – ан нет, не пролезть!

Итак, чтобы в него протиснуться, тебе требовалось утончиться, или, говоря человеческим языком, похудеть. Что тянуло тебя в глубину? Бог весть, ибо только оказавшись в полузаложенной келье, постигаешь всю свою сдавленность.

Ты составлял достаточную худобу полтора месяца, многократно на дню пытаешься протолкнуть свое тело сквозь лаз. К твоему статусу постника все это шло: только вот вся округа подтаскивала снедь и вино.

Да, еще, вот что тебя так гнало в лаз: с дырявой стенки капало, раз по двадцать на дню. Вследствие постоянной жажды – а в ваших краях, хоть совсем и небогатых солью, каждый как-то умудряется запихать ее во все, что съедает, и от этого у вас вечно ломило язык, и вы все пили, пили и пили. Тебе вдруг пришло в голову, что не помешает как-то благоустроить этот ниспосланный Богом источник. И ты надеялся найти в глубине настоящий ручей.

Тебя подвела чересчур острая пища; так все в настроении определяет желудок. Тебе ведь несли и минестру, и рыбные пироги, и новый сыр «ангелочек», и даже пряные сахарные «ручки», что лишь недавно изобрели в германском краю!

Обследовав боковой ход, и выяснив, что в самом конце есть несколько слуховых щелок, ты преспокойно занялся ручьем. Он стал твоей первойшей забавой на многие дни. Зимой ветер дул в щели в дальней, малой каморе, и ее наполнял тихий вой.

Настороженные поселяне, заходя к тебе помолиться, прислушивались к далеким приглушенным хлопам и гадали; кто-то вспомнил – откуда? – как от удара посохом забила вода – недоуменно приплели сюда и куст, хотя вот его-то и не было. Приходили чаще всего гончары – видимо, в память твоего отца.

Мысль уводилась в сторону вслед за причудливыми изгибами, исчезновениями и появлениями вновь тонкого ручья; поверх омеги писалось что-то еще, ты, конечно же, стал гадать – что?

Ничего не разгадал.

Занялся желобом. Вполне хватало того широкого в одном месте, наполненного терпковатой водой выхода ручейка, но тебя прельстила беловатая глина – «лунное молоко». Стыть и каменеть, она, естественно, не желала. Сколько масла ушло на просушку!

Смиренно-испуганные гончары снаружи могли бы посоветовать тебе, что получше. При одной из неудач ты даже раздражено вскричал, яростно пришлепывая по разведенной грязи; они в ужасе разошлись.

Помог навоз; после очередного исступленного монолога из глубины сердца, которым наслаждалась вся деревня (Святоша присутствовал, заморожено крутя седой башкой; уходя, наказал вина для причастия тебе не давать) – мальчишки очнулись от отупения первыми. Они поняли так: святой не святой, а прощельга! Закидать мошенника дерьмом сей же час! Очень скоро и деловито был принесен целый чан. Блаженно покатываясь по земляному полу, ты услышал странное хлопанье; большую камору начал наполнять гадкий запах. Спасшись в малой и протрезвев, на следующее же утро ты взялся за просушку. Дело тронулось с мертвой точки: скоро желоб был готов. Протянутый от середины второго крыла, победно пройдя по всем выступам, он снисходил к главной келье. Здесь можно было подставлять под струйку горшок.

Дальше: Наша деревня

Старец однажды разговорился.

Расскажу я вам, дети мои, откуда взялась наша деревня. Я, говорит, вычитал в древних книгах. Это он только называл ее «наша». А так-то все помнили, что он пришлый, ну, старец, известное дело! Откуда, мол, в нашей-то глухомани своим святым взяться. А брат Андрей как про книги услышал, словно конь, встрепенулся. Еще тогда он любил буквенные дела.

Раньше, говорит Старец, никто тут не жил. Место уж больно несладкое. Кабы вашим гончарное дело так не задалось, ни за что бы не удержаться. Сами знаете: горы, земли под пашню немного, самим едва хватает, чтоб прокормится. Гонять скот по лугам – хлопотно, да и травы не больно богаты... Никто здесь раньше не жил. А жили неподалеку, пониже, там, откуда мы, монастырские, нынче камни берем из развалин. Богатая там была деревня!

Но все сплошь жили еретики. Лет сто назад много еретиков не только там, но и вообще в наших краях проживало. Страшные были люди, все толковали, мир делили на части: одна, часть, дескать, от Господа, другая от Сатаны. Еще толковали, что – вымолвить страшно! – от Господа в нашем мире совсем немного, ну, может, пара молитовок осталась, а остальное все от Врага. И до того они в своем грехе-то окрепли, что все отрицать повадились. Детей рожать, говорили, от Сатаны, плотское дело. Жены с мужьями никак не встречались, почти что отдельно жили. На праздниках веселится – нельзя, от Сатаны, песен петь – тоже! Службы служить – мол, все не те службы, а сатанинские. Свои выдумали, свои книги писали. Ну, Церковь терпела-терпела, присылала пастырей добрых, а они пастырей убивали. Вообще, говорили, раз мир сатанинский, то поскорей с ним кончать надо, тогда, может, Господь о нас, горемычных, и вспомнит. Страшные дела творили, говорить даже не хочется!

Погоревали о них разные государи и святые отцы, да и послали оружейных людей, ересь искоренять.

Бились они, точно лютые звери, когда мечи ломались, когтями и зубами дрались. Ну, и вывели почти всех. Мужчин точно всех вывели, до единого, они и не скрывались-то больно. Кого взяли с оружием, того тут же жгли. Баб пощадили и детей малых тоже.

Стала деревня их вся сплошь бабская. А для решения окончательного, прислали сюда двух каноников, разбираться. А они как разбирались? Идут по деревне, где видят тоску и печаль, там подозревают. Где песен не поют, их сомнение берет. С другой стороны, чего тем бабам-то веселиться – мужей всех поубивали. Но каноники по-другому тогда разумели. И нашли они способ простой, как веру тех баб проверять...

Брат Андрей тут заелозил, очень ему хотелось узнать, как еретики распознаются.

Что, спросил Старец, малый, интересно тебе. Ах-ты, ах-ты... И завздыхал. Ну, так слушайте. Помните, я про еретиков говорил, что все простые, человечьи дела они осуждали? Все плотские осуждали? Святая Церковь тоже толкует, что особенно на плоть-то внимания обращать и не нужно, но плодиться и размножаться нам Господь приказал... В общем, ходили два этих каноника по деревне, какая баба у них подозрение вызовет, они к ней. Так и так, ты теперь безмужняя, давай ложись с кем-то из нас. И если та вдруг хмуриться начинала, отнекиваться да отказываться они – цап! – и нарекали ее еретичкой. И свозили их всех куда-то, и жгли наверно, в столице. А другие, кто соглашались, значит, не еретички. Значит, признают, что мир не от Сатаны.

Брат Андрей удивился. Странное, говорит, то дело было.

Старец с ним согласился. Да, очень странное. Так всю деревню и прорядили. Кто отказом ответил – те сгнули, остались одни такие, что на их призыв отозвались...

Тут Старец расплакался.

А потом продолжал.

Осталось в деревне той двадцать или тридцать баб, а через год у всех родились ребятки, снялись они с места, да и сюда перешли. Чтобы жизнь начать новую. Вот откуда деревня ваша произошла. От тех баб и двух каноников. Они – ваши пращуры.

Ну, коли те женщины святой церковью не были осуждены, значит, не еретички, сказал брат Андрей, побледнев.

Так оно, наверное, так, согласился наш Старец.

Говорит милый Индрик: Подслушивание

Тебе было хуже, чем человеку мудреца Ифлатуна: ты не видел теней. Ты исключительно слышал. Тебя это увлекало. И отвлекало, помогая побороть страх, подступающее отчаяние и всегда бывшие рядом сомнения.

Вот что ты услышал в первый месяц: ничего интересного. Дважды за один день некая простушка крикнула: «Ах!» проходя около твоих дыр для слушанья. Судя по тому, как чувственно она ахала оба раза, ее тискали весь путь мимо твоих галерей – совершенно ничего интересного! Однажды старик-настоятель, уходя от тебя в монастырь, остановился у дальней дырки – ты напрягся, вот он скажет что-нибудь важное! – а он важным голосом окончил начатую ранее фразу: «...и набрать яблок побольше». Бывший с ним послушник утвердительно и слегка задумчиво угукнул.

Никто не удосуживался постоять у твоих слуховых окон дольше. Все торопились. Незачем перечислять все пыхтения, которые издавали твои односельчане, по пути к основному окну, от него же – уже подав тебе корзину с едой и вином и отслушав твои слепеческие поучения.

Гораздо занимательнее были разговоры последующих месяцев. Например, приходили два вора и шептались прямо рядом с тобой. Темой беседы было плохое качество местного пива – оно им очень не нравилось. И вино пришлось не по вкусу. Здесь ты был хоть и молчаливо, но сильно с ними не согласен.

РАЙМОНД ЛУЛЛИЙ: – Скажи, безумный, что есть этот мир? – Ответил: Темница для слуг любви, слуг моего Господина. – И кто запирает их в темницу? – Совесть, любовь, страх, отречение, раскаяние, злые люди и труд без вознаграждения, и наказание.

Говорит милый Индрик

Началось все так. Очередной горемыка отправился с корзинкой снеди и бутылью вина к пещере, а вернулся в крайне задумчивом состоянии.

«Отшельник заговорил, – сообщил он жене. – Тоненько так, с хрипцой сказал: Не носи больше соли...»

«Во-о, – протянула жена простодушно, и хлопнула своего сынулю по голове, как огромную приставучую муху. – А чего ему соль?»

Новость скоро дошла до настоятеля. Пригорюнившись, твой старичок собрался к пещере. «Сыне!» – воззвал он.

А в ответ услышал раскаты басовитого смеха. С вхлипываниями, пришепотом и переливами. Настоятель опечалился.

У тебя как раз разбился кувшин. Ты выкрикнул что-то неразборчивое, старичок напряг слух. «Ну и жизнь, – сказал ты, – ну и жизнь. Все пролилось».

Ближе

Месяцы проходили один за одним, уже миновало две зимы, и две весны, а селяне исправно приходили к моей пещере за благословением. Каждый желал поделиться со мной своей бедой, и каждый нес мне еду. Я написал, чтобы носили лишь хлеб, сыр и вино. Тогда носить стали и этого много. Вино слали и из обители: с травами, пряностями, а вдобавок еще и пиво, и сидр! И вот как-то раз я захмелел.

Моим глазам внезапно представился яркий свет, такой же, какой, должно быть, представился Моисею на горе Елеонской – то есть, меня еще тогда поразило, что ведь я пьян, просто пьян, как любой усталый пахарь, добравшийся до таверны – а вижу то и так, как удостаивались немногие святые. И хотя воспоминание о моих долгих молитвах подсказало мне, что может быть, и я оказался достоин... Но длилось это недолго, потому что почти что сразу я впал в сон – вероятно, в такой же, как и большинство все тех же мужиков в таверне. Проснувшись, я понял, что хочу вновь испытать этот свет. А спустя месяц или полтора я вдруг понял, что же со мной произошло.

Я не смирился, нет, я озлился и стал потреблять причастное вино в еще большем количестве, чем прежде, когда мне чудились откровения в пьяном бреде. И вскоре прославился еще больше. Ибо теперь, в своей злобе я стал ненавидеть собственных земляков и охотно беседовал с ними, но, не осмеливаясь отвечать иронически на их простодушные вопросы, **ОБРАЩЕННЫЕ НЕ КО МНЕ!** Нет, меня хватало лишь на то, чтобы по чуть-чуть, помалу, показывать им, что я вовсе не тот, за кого меня принимают.

Но я заговорил! После пяти лет молчания. Я отвечал злым голосом, молол всякую ерунду, и понемногу люди начали проникаться ко мне если не отвращением, то подозрением. Зачем я это делал: я как бы мстил самому себе. Я унижал самого себя тем, что заговаривал с ними. Что грубо высмеивал их, дерзил и даже иногда почти богохульничал. А до каких черных мыслей тогда я дошел! От каждой меня бросало в дрожь. Я боялся, что Он, Он сам ее может услышать – и слышит, наверняка! И прощает... ради чего? Или же не слышит, или же ему все равно, как я мучаюсь, или же это и есть те самые мучения, очищающие душу, о которых я так много слышал, но, которые, оказывается, представлял себе совершенно другими?

И в конце концов я придумал страшную вещь.

О пьянстве

Как считал отец Цезарь из Арля, «Пьянство есть сатанинство и ввергание самого себя в адскую пропасть». Пьянство, указывал другой святой отец, есть грех сильно распространенный, но оттого не менее тяжкий.

РАЙМОНД ЛУЛЛИЙ: Искал Любящий благочестия в горах и на равнинах, дабы увидеть, служат ли Господину его, и повсюду обнаруживал он слишком мало благочестия. И тогда вскопал он землю, дабы там найти его в избытке, но и в земле благочестия недостаточно.

Ближе: Двойник

Несколько раз мне чудилось, что в малой камере сидит мой двойник. Путем стремительных пробежек, стоивших мне десятка болезненных, тут же увлажнявшихся кровью ссадин, я уверился: никого. Потом меня озаботили другие мысли: а как возникла столь странной формы пещера?

Может, ее прорыли два брата гигантских червя, стараясь добраться один до другого и тут же вцепиться в глотку; или просто некой подземной реке приспичило выйти наверх, выписать столь многозначительный знак – и убраться опять в глубину?

Мне удалось убедиться, что никакого двойника рядом нет. Хоть иногда я и думал с испугом о том, кто жил здесь до меня – все-таки малая камера была так похожа на келью! – гораздо больше меня тревожила другая мысль. Наваждения! Я чувствовал, что они последуют дальше. Каких еще искушений приберег для меня Враг? Что может привидеться? Кто, если не мой двойник, может явиться ко мне? Этот страх нередко заставлял меня бросать молитву. Этот страх держал меня в постоянном ожидании. Но понемногу я успокоился.

Третья пещерная сказка

Как-то один звонарь, дюжий мордастый парень, только чуть-чуть глуховатый, вздумал сойтись с дочерью кузнеца. Девушка тоже была не против, но хотела, чтобы ей хоть чуть-чуть, да досталось мужской куртуазности. Стали они вместе гулять, по лугу, по лесу, вдоль речки. Звонарь, как умел, говорил ей красоты да любезности, цветы луговые ей охапками подносили. Но стало, наконец, и ей нелегко. А так как отец у девушки был мужчина суровый, они взяли да и забрались в старую каменоломню. Там хоть было темно, да зато их никто не видел, хоть и холодно, но зато был лишний повод обняться.

Шептались, ласкались, хихикали, а потом давай миловаться. И так разошлись, что глуховатый звонарь от страсти чуть ли не быком ревет, девушка под ним визжит, что есть мочи, эхо по пещере разносится, камни дрожат!

Час любилась, другой, и все с криком и ревом. Вдруг сквозь свой любовный туман слышат: сдвинулось что-то тяжелое в глубине, клацнуло будто железом по камням и суровый голос спросил:

«Пора?»

Звонарю недосуг было прислушиваться, кто там шумит, он подругу свою посильнее при-тиснул и крикнул в ответ:

«Нет, не пора!»

И снова за дело. Из глубины в другой раз клацанье, шорох, и – тяжелые шаги раздались. И опять прозвучало, еще страшнее, как будто какой злой дух вопрошает:

«Пора ли мне подниматься или еще не пора?»

Тут и девушка и звонарь испугались – кто это там, такой жуткий, их нашел – и замерли. Слушают: шаги все ближе и ближе, грохочут, будто целое стадо идет, и появляется рядом с ними, в просвете между камнями – голова, в старом, ржавленном шлеме, лицо все в морщинах, обросло такой бородой, что ничего ниже не видно, и в глазах – что-то дьявольское. И сам человек огромный, раза в два крупней звонаря, и лезвие меча в отверстие между камнями проглядывает, такого, что втроем не поднять.

Поглядел на них призрак сурово, глазами сверкнул, покачал головой. И снова:

«Пора?»

Звонарь от страха задрожал да заблеял, девушка дар речи потеряла и чувств лишилась, а тут из глубины, откуда призрак пришел, раздался ласковый голос:

«Не пора, мой король, спи еще!»

Бородатое лицо отодвинулось и исчезло, шаги прогрохотали обратно, меч упал наземь со звоном и прозвучал долгий, тоскливый вздох.

«Спи, мой король...»

Звонарь осмелел, подхватил подругу свою и побежал, что было сил, наружу из каменоломни. Только раз оглянулся, и увидел, что из отверстия того самого льется невиданный, ласковый свет, и промелькивает в глубине кто-то мягкий, звериный, и баюкает короля тихой песней.

ХРАБАН МАВР: Все, что мы произносим, или все, что движется внутри нас, в соответствии с пульсированием наших сосудов согласовано музыкальными ритмами с совершенством гармонии. Ведь музыка – это наука хорошей модуляции. Так что, если мы хорошо ведем беседу, это всегда происходит благодаря поддержке этой науки; когда же возникают трудности, это свидетельствует об отсутствии музыки. Так же небо и земля, и все, что на них происходит высшим соизволением, все связано с музыкой.

Ближе: Свирель

Я много играл на свирели. В начале, в первые месяцы я сочинял гимны. Сперва они поднимались откуда-то из глубины меня, потом, прожив чуть меньше года в темноте, я вдруг ощутил, что изнутри ничего не идет. Испугавшись я взывал к Господу и ко всем архангелам и тем святым, которые были почитаемы в известных мне областях... А потом я стал играть на свирели; пастушечьи песни. Давясь той скудной снедью, что уже с опаской несли поселяне, я начинал стыдиться. Потом вдруг наглел, поучал: почему-то именно те первые наигрыши казались мне оправданием: я играл! Поселяне, слыша звуки, неумело крестились, испуганно ойкали; наш настоятель увещевал. Свирель стала чем-то спасительным: тростничок с прожженными дырочками то рассыхался, то наоборот – зимой – как-то стыдливо сжимался; я все смазывал глиной. Получилась, наконец, тяжелая труба, которая утомительно держалась в руках и издавала сипливые звуки. Из поселян являлись теперь только двое, да иногда захаживал брат Андрей, заносил что поесть и назидал, убеждал меня в чем-то, в чем – не пойму. В конце концов, я забросил ее в угол; глина стала сыреть.

Один сарацин

Душа моя, как долго я был в разлуке с тобой,
Как долго я спал... Но плач голубиный
Меня разбудил и заставил рыдать.
Хвала всем скорбящим, проснувшимся рано!

Говорит милый Индрик

Уже тогда, когда вина для причастия тебе не полагалось, к стене приплелась нищенка и смазливая полудурочка Полина.

И сразу, для приличия пошуршав чем-то рядом с дырой, брякнула: мол, люди толкуют, что вы уже не человек. Мол, люди не знают кто – но это (крик) ...и будто бы нечистый (долгое время пыхтит и крестится) ...или в свинью.

Ты, как обычно, с радостью вынырнув из тягостных размышлений, принялся потешаться – смеялся весьма игриво (а что тебе было терять?) – мол, а она что пришла?

Да поглядеть.

Тут ты призадумался. Сам ты себя не видел, тебя тоже – никто. А вдруг?

Подлей масла вот, сказала нищенка. Голос ее был совсем рядом... и лицо непонятно каким образом скоро заслонило полщели. Грязное, но красивое. Серая шея.

Ты поднял светильник к своему, заросшему, покрытому разными струпьями и царапинами. Ну?

Нищенка тут призналась, что раньше как-то не видела великого святого. А сейчас каково? Сейчас – очень жутко.

Раздался хруст камешков, Полина взвизгнула, и в дыре стало видно опять одно серое небо, заляпанное белесыми облаками.

Тут же явились какие-то сельские бурчуны и принялись распекать твою собеседницу. На пол шлепнулся ком дряни. Ты запихал руки в бороду, отсел подальше и начал думать: о серой шее и о том, как должен выглядеть человек, и впрямь одержимый злым бесом.

О блуде

Против блуда есть много средств: холод, терновник, трава волчец, бичевание. Святые отцы и отшельники постоянно испытывали искушение, но всегда преодолевали его во славу Господа.

Один пустынный Синая, прожив в келье с десяток лет, возжелал непопозволенного. Из соседнего склепа к нему пришла пустынная за водой. Разгорячившись мыслью, он бросился ее догонять...

Земля разверзлась, и некая блестящая фигура указала пещернику на поломанные и полусгнившие останки. «Вот все твои женщины. Можешь тешиться. Но все десять лет, что ты намолил, будут не в счет». Пещерник, конечно, передумал грешить.

Говорит милый Индрик: Стена

Рассказать тебе, мой святой ясноглазый, чем для тебя была эта стена?

В твоей келье их множество: своим разнообразием они внушают тебе отвращение. Только одна стена, та, которая, как ты знаешь, закрывает вид на крутую, вечно чмокающую от грязи, поросшую всякой сорной травой тропу, вот она, эта стена, тебе очень мила.

На ощупь кажется мягкой; есть плавные выпуклости и неглубокие впадины, чудится, будто камни, из которых ее возвели, гладило множество добрых рук. Однако гладил ее только ты. Особенно в жаркий день, когда стена делалась теплой, почти живой. Ты к ней прижимался, бегал по ней пальцами, терся боком, разгоряченный едва видимым солнцем и вином, пылкой кровью христовой. И, признайся, воображал, будто бы это не стенка, а, допустим, женщина или, – когда трогал там, где замазка покрылась трещинками, этакими разбегающимися в разные стороны разрезами и бороздками – горячая шея зверя. Может быть, коня, гулко дышащего после долгого бега. Но чаще, видимо, женщина. Когда к пещере являлась Полина, то они слились в твоей голове: теплая стена и ее задумчивый голос.

Лучи солнца и пятна теней от облаков катались по неровному полу, переливались, сменяли друг друга. И даже когда вино перестали носить, ты продолжал радоваться.

Четвертая пещерная сказка

В готской стране, что на полудне, все это было. Нашли враги, как саранча – оттого и прозвали их потом сарацины, саранчиным народом – и стали страну разорять. Король готский в первой же битве погиб, по злomu пророчеству, а все князья, кто по трусости, кто по жадности, к сарацинам на службу пошли.

Все, кроме двух или трех. Эти веру свою продать не захотели, с немногими верными им людьми в горы укрылись. А сарацины и там им покою не дали, не отдохнуть, не сил подсобить – насаждают, проклятые. Что не день, то потери.

Наконец, князьям пришлось разделиться, и один, самый храбрый и молодой, встал с самого краю – первый удар на себя принимать. А жена его молодая, что с ним в горах высоченных скиталась, сына ждала. В одну ночь и князя, и все его войско сарацины убили. А княгиня в пещеру ушла, куда проход одна старуха, нянька ее, только и знала. Враги ее ищут, скви-таться хотят полным счетом со строптивыми готами – иной раз она их дикие крики совсем рядом слышала, когда они ущелья прочесывали.

Жила она хуже некуда, а все же в один день еще горше все сделалось. До тех пор ей пищу старуха носила, да померла. Пришлось ей самой в долину спускаться – то у голубей гнездо опустошит, то из готов, кто выжил, чем-то поделится. Только никому она не открывала, кто такая, боясь за ребенка, что под сердцем носила. Порой так голодала, что ночью к врагу в лагерь прокрадывалась, из котлов их походных что могла, то тащила.

Пришел срок, родила младенца. В пещеру свою нанесла что помягче и понежнее – пуху птичьего, перьев, травы снизу охапку, все пыталась сыну жизнь скрасить. А сарацины тогда как раз сильный урон от двух выживших князей терпели, и озлобились очень. Она еще глубже в пещеру ушла, и все ждала, выжидала, когда вниз можно будет спуститься. По первоначальному молоку у нее в груди не оскудевало, мальчик и сыт был и доволен. Он в пещере как родился, так и оставался, и глазенки к темноте попривыкли, а сам без света дневного был белый как молоко...

Перебились так с год – мальчик уж ходить начал, о стенку пещерную опираясь. И очень чудесный был мальчик: во мраке, в сырости, уже и не в сытости – а все весел. День-деньской детскими словами песенки пел.

А однажды княгиня пошла опять за припасами – да и одежду какую-нибудь сыну найти – спустилась вниз и врагам в руки так и попала. К тому времени они снова повеселели – двух князей разгромили, не было им теперь никакого отпора в готской стране. Хоть и веселые, а своего упускать не хотели. В худой замарашке княгиню, конечно, никто распознать не сумел, да уж больно она им была подозрительна: держится гордо, откуда явилась, не рассказывает. И увели они ее, как рабыню – откормить чуть-чуть, и продать.

А мальчик, белый как молоко, дня два пропел – он привык уж к материнским отлучкам – а на третий задумался. Водицы горной попил, соснул немного и пошлепал к выходу, туда, куда мать всегда уходила. Выглянул – и с непривычки ослеп. Постоял-постоял, и все же стал чуть-чуть различать. Белым мир ему показался, по зимней студеной и снежной поре. Враждебный мир, одни кручи и ветер, и орлы выются в простуженном небе. Никому тот мальчик не нужен был, кроме матери, да ее далеко уж угнали.

Расплакался княжий сын, мать покликал, и вернулся в пещеру обратно. И сам он не видел, как от такой жизни и по заслугам своей невинности, от Бога особенность получил: светиться сам начал. От кудряшек его, от молочного тела сияние шло.

Побродил-побродил, и помирать уж собрался. Он, хоть и малый был, все понимал. Простую молитву, что мать научила, прочел. Только с прибавкой такой: «Господи, никому я не нужен, кроме тебя. Спаси меня и помилуй, и определи, как мне быть, потому что я сам

по малому возрасту и неразумию того понять не могу. Слава Тебе, Господи!» Произнес и лег на плоский камень, что ему кроватью служил – помирать.

А как проснулся, увидел сияние. Чудный зверь ласковый над ним склонился и произнес: «Не печалься, сын человека. Оба мы с тобой пещерные жители. Оба в глубины уйдем, своим светом светить, до тех самых пор, пока людям опять не потребуемся». И увел светлого мальчика за собой.

А через множество лет, его мать, в плену как старушка усохшая, воротилась – сына разыскивать. Поспрашивала людей – из готов, что еще там остались, и простых сарацинов, работников. Никто ребенка ее тогда, давно не находил. Никому до него не было дела. А только стал по ночам появляться у ворот местной церкви странный юноша, белый, как молоко, и светящийся, будто месяц небесный неяркий. Слов не говорит, постоит, постоит, на человека ночного помолится, подождет и уйдет...

Ближе: Музыкант

Как-то раз пришел человек к моей пещере и долго с ноги на ногу переминался, не говорил.

А потом незнакомым голосом старика заявил:

«Хочу тебя музыкой поразвлечь».

И раздались звуки, ужасные, да еще и не в один инструмент, а как будто во много. Уж на что их всех-то можно счесть на три в наших краях: рожок, горшок да лук со струной – а здесь звучало так плохо, словно их сделалось по меньшей мере двадцать разных.

Пять дней он приходил на рассвете и играл. На шестой я обратился к нему.

«Добрый человек, – сказал я. – Знаешь ли ты, зачем я здесь поселился? Я сам иногда играю на свирели, но признаю, что тем самым впадаю в малый грех, о чем полагается сожалеть. Если хочешь, давай поговорим... Кажется, так будет лучше тебе и мне. Ты так не думаешь?»

«Чего не знаю, того не знаю, – равнодушно сказал мне старец, когда отдышался после всех тяжких усилий, предпринятых с целью оглушить меня. – А только все меня гонят, а ты не можешь. Поэтому слушай».

Так мой мучитель завел привычку приходить каждый день и хотя не подолгу, но зато прегнусно терзал мои уши своими сельскими благозвучиями. Причем выбирал он то время, когда остальные сельчане не навевались, да и не могли, потому что работали – мой старик, видно, бездельничал.

Однажды ему в отместку я сам рукой заколотил по горшку, думая перестучать; так он обрадовался, весело заголосил, я и разбил горшок. Через неделю мне брат Андрей принес новый из монастыря, и я за него молитвы вознес.

Старик еще долго продолжал приходить и лишь недавно куда-то делся.

Дальше: Колодец

«Ну, монашки, кончились сливки и сытная кашка, пора загривкам худеть, а вам за нас порадеть! Работать пошли!» – сказал нам с братом отец.

«С какой это, батюшка, стати? – учтиво спрашиваем мы. – И так в трудниках состоим при нашем монастыре, что вам известно, и за день, знайте, так бывало намучаемся, что и на вечерню нас не пускают... То сыр варить, то яблоки давить, то жир вытапливать, уж увольте...»

«Слушай ухом, а не брюхом! – злится отец. – Сушь в шею дышит. Скоро вся вода книзу сойдет. Будем рыть всей деревней колодец, как ваш монастырский. И с воротом, и с ослом – чтобы воду пускать в огород. Так что давайте, ртов не разевайте, рук не воздевайте, рясу в скатку и за лопатку!»

И зря мы упрямылись, вот как вышло. Потому что ничего веселей той колодезной каторги я не припомню. Отец по хромости лишь наверху зубоскалил, да от матери репу носил, а землю внизу мы кайлом отмотыжили, малолетки, да с десяток мужиков росточком поменьше. Даже на ночь в кельи не шли – так и бухались на солому у края колодца. Бабы подходили да охали, отродясь у нас таких колодцев не рыли, ну кто на заднем дворе дырку просверлит на один жаркий месяц, когда лень в горы тянутся с кувшинами, так разве сравнишь! Пятей в сто он вышел, не меньше. Щенок один наверху разбрежался, так его нам на голову скинули.

Потеха – не грех, это не страшно.

Потом я узнал, что нам вовсе не был нужен колодец. Это Старец попросил у отца, чтобы он увел нас домой из монастыря, и что-нибудь поручил. Зачем он так попросил, я не знаю.

Пятая пещерная сказка

Среди ходивших с Платоном по Саду был некий юноша с Крита, искавший повсюду благоволения богов. Испытывая особую страсть к чудесному, этот юноша часто отрывался от вереницы учеников, следовавшей за учителем, и бродил по окрестностям. Он лазил не только по скалам и бухтам, изучая морские приливы, но и по деревьям, которые показались ему примечательными и чьи ветви были способны выдержать его вес.

Услышав раз от учителя историю критянина Эпименида, который проспал в некоей пещере пятьдесят восемь лет, а потом спас Афины от скверны, этот юноша объявил себя его родственником. Рассказывают, что после этого он обошел весь Лакедемон, ища кожу Эпименида, покрытую таинственными письменами, но не нашел. Однако с тех пор его заносчивость и горделивость поистине стала безбрежными. Так, он заявил, будто бы первый философ по имени Пифагор не спускался в критские Иды, а называл так собственный погреб, где скрывался все время от своей смерти до воскресения. Также этот юноша уверял, что нашел ту огромную яму, куда свалился и умер другой известный мудрец, засмотревшись на звезды. Он звал туда Платона и многих учеников, но никто за ним не последовал.

Многие верят, что в конце концов он нашел, что искал. В одной пещере выпив беловатой воды, «лунного молока», он заснул, но проспал всего пять лет и три месяца. Проснувшись и выйдя из той пещеры, он застал все таким же, каким и оставил. Тем не менее, он стал всех уверять, что во сне разговаривал с Истиной и много раз, покинув собственное тело, путешествовал по миру налегке.

К большой досаде этого юноши, хоть его спину после пещеры тоже покрыли странные письмена, будто процарапанные когтем зверя, никто не пожелал эти знаки списать и даже просто прочесть. Сам он, как ни старался подладить медные зеркала, не мог их разглядеть.

Говорили также, что он пытался заниматься гаданием, но видел не будущее, а только прошлое, и лишь ускользнувшее от современников. Умер он в возрасте двухсот с лишним лет неподалеку от Рима, и к тому времени письмена у него на спине почти все стерлись и заросли. Тем не менее, его кожу не стали хранить, как кожу Эпименида, а по решению римских старейшин, сожгли вместе с телом.

АРТЕМИДОР: Одному человеку приснилось, что на голове у него выросла олива. Человек этот стал ревностным философом не только на словах, но и всем своим образом жизни, потому что дерево это вечнозеленое, очень крепкое и посвящено Афине, которая считается воплощением мудрости.

Ближе: Мое разуверие

Иногда мне казалась смешной сама мысль, что Господь может оказаться здесь, в этой стылой пещере.

А потом еще мнилось, что Господь и есть сама жизнь в том ее разноцветии, которого я и раньше так сторонился. В траве, в облаках, в ручье, даже в потертых сандалиях – но не во мне! Не во мне. Потому что я, забившись в эту нору, вижу только отчаяние. Оно заслоняет Господа, вытесняет его из меня – быть может, этого отчаяния – ничтожная часть, крохотная, песчинка по сравнению с Его великолепием и безграничностью – но надо же быть такому, что все время какие-нибудь песчинки попадают мне на глаза. И что, что мне делать теперь, ничего не нашедшему? Уйти из норы и наложить другую песчинку? Бросить монашескую жизнь? Завести другую, не менее и не более меня отстраняющую, отвлекающую, уводящую от Него?

А есть ли вообще та жизнь, которая к нему приводит? Не все ли дороги ведут к нему? Или такой нет ни единой? Может, все жизни отводят? А только то, что их роднит, в чем они схожи – все, до последнего пересчета... Но ведь это так мало, и так животно. И монах, и душегубец, и король – каждый дышит, ест, пьет и спит, и отправляет все, что надо, обратно в природу. Это то, что заложил в нас Господь во всех без пропуска. Неужели на этом – самый явственный Его отпечаток? В этом ведь жизнь и растительная, и звериная. Точно кажется, что ни ум, и ни способность истолковывать его слово, не приближают к нему?

Как мне приблизится к Господу, если молчит он в ответ на все молитвы?

Шестая пещерная сказка

Пока раздраженные, потные легионеры сбивали взрослых в шеренги и пинками гнали их к храму Артемиды и Цирку, мальчишки играли в камушки за огромным зданием Библиотеки. Только когда от Цирка донесся протяжный гул зрителей, они опомнились и заметались. Семеро бросились прочь от города и спаслись.

Эти семеро, пробежав не больше версты, уже запыхались и нырнули в пещерку передохнуть. Торопливо набросали камней, чтобы замаскировать вход. И только после этого, глядя расширенными глазами друг на друга, взялись за руки, и, сев на корточки, стали молиться и плакать. Потом, отдышавшись, намолившись, начали осматриваться. Малыш первым нашел родничок и позвал всех остальных. Они не спеша напились. Вода была какая-то странная, теплая, тяжелая, она провалилась и легла в животах, словно камешки в реку.

«Вот так, и поспите...» – раздался вдруг тихий голос, похожий на шуршание.

Голос не то, чтобы обращался к детям – он сам с собой рассуждал.

«Это ведь лунное молоко, – объяснил он. – Поспите, отдохнете, а там, глядишь, все и образуется».

Ребята не испугались, а только поворочали головами, пошептались и решили еще помолиться, по особенному, как учил их отец Игнатий из Самосаты. Голос больше не звучал. Думали было еще поболтать, даже расселись на камнях, но: «Спать! Спать!» – строго сказал тот же голос из мрака, и их тут же сморило. Так и заснули, кто где сидел. А когда все ребята заснули, кто-то пробрался к ним, пошуршал, повздыхал по-звериному, ткнулся в бок одному и другому, и, что-то ласково пробормотав, убрался обратно во тьму.

А дети, проспавшись, потянулись, протерли глаза, и решили узнать, как там снаружи. Отвалили камни, тихонько пробрались в город. И узнали, что прошло сто пятьдесят лет, и что вера Христова восторжествовала по всей ойкумене.

Говорит милый Индрик

В своей келейной стылости ты делил посетителей на два вида. И различал по первым словам. Если зывали к святому – это значило снедь и вино, если кликали беса, грешника, еретика, просто собаку – скорее всего, камни. Или навоз. Его притаскивали в корзинах мальчишки, воображая, что это очень смешно: закидать падшего коровьим дерьмом. Навоз, как ты вскоре выяснил, отлично горит в просушенном виде. Горит и пускает жирный, желтый, едучий дым.

РАЙМОН ЛУЛЛИЙ: Встретил однажды Любящий среди трудов своих отшельника, который спал близ красивого источника. Любящий разбудил отшельника и спросил его, не видел ли тот во сне господина его. Ответил ему отшельник и сказал, что пленены были любовью мысли его во сне и наяву. Очень обрадовался Любящий, что нашел он товарища по плену своему, и заплакали оба, ибо не много было у Господина таких слуг.

АЛКУИН: Что есть слово? – Предатель мысли. – Кто рождает слово? – Язык. – Что есть язык? – Бич воздуха. – Что есть воздух? – Хранитель жизни. – Что есть жизнь? – Радость счастливых, печаль несчастных, ожидание смерти для всех. – Что есть человек? – Раб смерти, гость места, проходящий путник.

Ближе: Брат Андрей

«Есть ли у тебя мышь в пещере? Поймай ее и посади в горшок. Смотри на нее и радуйся, что ты не мышь».

«По ночам меня леденит не холод и не снег, а множество мыслей. От них руки мои начинают дрожать. Глаза мои наполняются белым цветом».

«Я был таким же, как ты. Мои руки дрожали, они не могли ковать железо, плести корзины и молотить зерно. Мои глаза не могли больше читать священные книги. В устах моих замерзали слова молитвы и не выходили наружу. Я не знаю, куда мне идти, с тех пор, как я вышел из кельи. Когда выйдешь ты, я это увижу».

«Как ты сможешь увидеть?»

«Церковь – голова человеческого мира. Каждый из нас, и ты и я – ее волосы. В чем разница между одним волосом и другим? Я увижу, что сделаешь ты, когда узнаешь, что идти тебе некуда. Когда ты насмотришься на облака, и наплачешься над травой».

«Так сломай эту стену. Выпусти меня, брат Андрей. Я не знаю, куда я пойду, но я не хочу умирать».

«Нет. Потому что тогда ты будешь спрашивать у меня, куда стоит идти. Я сказал отцу-настоятелю, что пора тебя затворять навсегда. Скоро придут гончары и заложат камнями отверстие».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.